

ДОБРОЕ СОКРОВИЩЕ

“ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ДОБРОГО СОКРОВИЩА ВЫНОСИТ ДОБРОЕ...” (Мф. 12, 35) 0+

По благословению Преподобного Ионафана, архиепископа Абаканского и Хакасского № 1(350) 26 января 2021 г.

НАСТОЯЩИЕ ГЕРОИ XX ВЕКА: НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ РОССИЙСКИЕ

«Гонение окончится, и Православие снова восторжествует. Сейчас многие страдают за веру, но это – золото очищается в духовном горниле испытаний. После этого будет столько священномучеников, пострадавших за веру Христову, сколько не помнит вся история христианства». Эти слова сказал в 1937 году, незадолго до своего расстрела, митрополит Серафим (Чичагов), и они были пророческими.

Действительно, после освобождения от безбожного ига Православная Церковь канонизировала около 1800 новомучеников – и в их числе самого митрополита Серафима.

Это были подлинные герои XX века, великаны духа, молитвам которых мы обязаны всему доброму, что имеем сейчас. Даже со стороны, внешние люди, отмечали величие их подвига.

Так, А.И. Солженицын, который попал в лагерь неверующим человеком, позднее в своем «Архипелаге» писал: «Христиане шли в лагерь на мучение и смерть – только чтоб не отказаться от веры! Они хорошо знали, за что сидят, и были непоколебимы в своих убеждениях! Они единственные, может быть, к кому совсем не пристала лагерная философия и даже язык... И женщин среди них – особенно много... За просвещенным зубоскальством над православными батюшками, и мяуканьем комсомольцев в пасхальную ночь, – мы проглядели, что у православной церкви выросли все-таки дочери, достойные первых веков христианства. Христиан было множество, этапы и могилиники, этапы и могилиники, – кто сочтет эти миллионы? Они погибли безвестно, освещая, как свеча, только в самой близости от себя. Это были лучшие христиане России... И как сохранялись в ла-

гере (уж мы видели не раз) истые религиозные люди?... Твердость, не виданная в XX веке! И как несколько это не картинно, без декламации. Как не позавидовать этим людям?».

Здесь мы попытаемся кратко раскрыть величие подвига этих людей.

Существуют некоторые стереотипы о мученичестве, которые мешают должным образом осознать и оценить подвиг новомучеников. Например,

некоторые люди считают, что мучеником можно назвать лишь того, кто погиб от руки гонителей, прямо декларирующих, что убивают его именно за христианские убеждения. А если же убийцы говорят, что убили его по каким-либо другим причинам, например, за преступление против государства, то это уже и не мученичество.

При поверхностном взгляде это может казаться убедительным, однако здесь кроется ошибка. Ведь такая постановка вопроса предполагает, что мученика

делают мучеником не его слова и дела и состояние духа перед лицом смерти, мужество и верность Христу, – а намерения его убийцы, и что судить об этих намерениях будто бы следует по словам самих убийц.

Подобный подход несостоятелен и сам по себе, – потому что нигде в церковном предании мы не найдем, чтобы Церковь, при определении мученического подвига, прерогативу в этом отдавала бы свидетельству мучителей, – но также он несостоятелен исторически. Да, в древности бывало, что сами убийцы и гонители прямо декларировали, что они преследуют человека ни за что иное, как за то, что он христианин, – как гласил один из эдиктов Диоклетиана: «да погибнет имя христиан». В Римской империи христианство было вне закона и являлось государственным преступлением. В советское время христианство формально не было запрещено и поэтому нужно было искать другую форму для преследований.

Если посмотреть на то, как объясняли свои действия вдохновители убийства Христа, то в их словах мы увидим ту же самую риторику о политической неблагонадежности и преступлении против государственной власти: «если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю» (Ин. 19:12).

В этом русле шли и коммунистические гонители XX века. Они старались сформировать свое черное дело так, чтобы оно не выглядело как гонения по религиозному признаку, для чего обвинения новомучеников оформлялись как преследования за государственные преступления. Поэтому, например, в делах российских новомучеников самые часто повторяемые словосочетания: «враг народа», «контрреволюционная деятельность»,

«противодействие мероприятиям советской власти» и т.п.

О том, как именно коммунисты умудрялись инкриминировать христианам разнообразные «государственные преступления», можно получить представление, обратившись к житиям российских новомучеников. Ниже мы приведем несколько реальных примеров, закончившихся тюремными сроками, а иногда и расстрелами.

Священномученик Матфей (Александров) был бесребренником и за требы денег не брал, и вообще о деньгах говорил пренебрежительно. Когда его арестовали, то на основании этого обвинили, что он «в церкви ведет контрреволюционную пропаганду против советских денег и отказывается их брать». Священномученика Михаила (Самсонова) обвинили в том, что он колокольным звоном хотел «отвлечь избирателей от участия в выборах» и что он «отдельных активистов села вовлекал в Церковь через опьянение водкой». Священномученика Петра (Рождественца) обвинили в том, что он подолгу служил, и тем самым будто бы «затягивал церковную службу с целью срыва полевых работ в колхозе». При аресте священномученика Илии (Бенеманского) ничего компрометирующего не обнаружили, но нашли сорок пять рублей мелкой серебряной монетой и на основании этого обвинили священника в том, что «он умышленно придерживал у себя разменную серебряную монету, преследуя цель подрыва правильного денежного обращения».

Священномученику Константину (Некрасову) поставили в вину то, что он, отмечая в календаре числа по старому стилю, случайно поставил цифру «8» на фотографию Сталина, что было расценено как «враждебное отношение к со-

Продолжение на 2-3-й стр.

Настоящие герои XX века:
новомученики и исповедники
Российские

стр. 1-3

Как научиться
молитве?

стр. 4

Праздник Крещения
Господня в Никольском
соборе

стр. 5

Сибирский путь
Ермака...

стр. 6,7

У наших выпускников
не спрашивают
диплом...

стр. 7,8

НАСТОЯЩИЕ ГЕРОИ XX ВЕКА:

Продолжение.
Начало на 1-й стр.

ветской власти и руководителям партии». Узнав, что священномученик Димитрий (Остроумов) давал некоторым прихожанам лекарства, его обвинили в том, что он «занимался нелегальным лечением больных».

Про священномученика Иоанна (Покровского) сказали, что его дом посещают странствующие священники, и что будто бы в результате этого была занесена заразная болезнь на колхозных лошадей и свиней.

Преподобноисповедник Рафаил (Шейченко), говоря на проповеди о жизни преподобного Иоанна Дамаскина при дворе халифа, сказал, что «мы не можем представить себе той восточной древней роскоши, которой окружали себя... восточные правители». И эта фраза была поставлена ему в вину, когдаследователь заявил: «В этой своей проповеди вы, сравнивая жизнь Иоанна с советской действительностью, высказывали клеветнические измышления на материальное благосостояние трудящихся в СССР».

Как нетрудно видеть, обвинения эти носят явно надуманный характер и являются лишь прикрытием подлинного стремления коммунистов: уничтожить Церковь, лишить ее священства и монашества под любым предлогом. Мы намеренно привели столь много примеров, чтобы стало видно, что речь идет не об исключениях, а о систематическом явлении. Реальность заключалась в том, что арестовывались в то время все подряд: и иуды, сотрудники НКВД, и отреченцы, и те, кто снял сан, но продолжал служить (иногда по распоряжению НКВД), и те, кто сам выступал лжесвидетелем. Обвинения, предъявляемые им, являлись ложными, но лишь те показали себя христианами, кто не согласился с этими ложными обвинениями. Как указывал священномученик Григорий (Раевский), «если нас задумают посадить, то посадят и найдут материалы для обвинения, несмотря ни на какие законы».

Относиться всерьез к этим трафаретным, тенденциозным, наспех составленным обвинениям в адрес новомучеников – означает верить сознательно возводимой на них лжи. А если, восприняв эти обвинения за чистую монету, начать сомневаться в мученическом венце пострадавших, – то цель, ради которой эта ложь возводилась, будет достигнута. Священномученику Николаю (Кобранову) во время допроса следователь прямо сказал об этом, заметив с усмешкой: «Не беспокойтесь, святым вас не сделаем». А священномученику Варсонофию (Лебедеву), когда вели на расстрел, конвоиры-красноармейцы говорили, издеваясь: «Не торопись, успеешь попасть в Царство Небесное!». А когда возвращались после расстрела, сказали бегущим навстречу прихожанам: «Бегите, бегите! Через три года мощами объявят-ся!».

В отличие от древних гонителей-иноверцев, коммунистические гонители XX века в России получили воспитание в православной среде, и они знали, что такое для Церкви – мученик. Это, впрочем, касается больше первых послереволюционных лет. В 1937 г. пришло уже новое поколение следователей, зачастую совершенно не знакомых с церковными реалиями.

Возвращаясь к теме обвинений, стоит указать и совсем циничные случаи, подобные тому,

Патриарх Тихон, митрополит Петербургский Вениамин (Казанский) (справа) и епископ Геннадий (Туберозов).

что сотворили со священномучеником Василием (Преображенским), который был арестован и осужден на десять лет лагерей за «клевету на политику советского правительства». В качестве «клеветы» ему инкриминировали сказанные прихожанам слова: «Советская власть арестовывает виновных и невиновных и сажает в тюрьму ни за что, вот и меня задержат тоже, осудят и посадят».

Нередко следователи предъявляли православным традиционные для того времени обвинения. Так, священномученика Виктора (Киранова) с группой священников обвинили в подготовке теракта – будто бы они собирались в день выборов отравить колодцы.

Священномученика Сергия (Покровского) в 1937 году обвиняли в том, что он «проводя систематически контрреволюционную агитацию, в беседах с гражданами восхвалял Гитлера и фашистскую Германию», а священномученика Николая (Запольского) – в том, что он будто бы говорил: «скоро из Италии придет папа Римский, он установит свою власть и всех коммунистов в ад загонит. Скоро придет папа Римский, он покажет, как крестьян мучить».

Отношения новомучеников к обвинениям, выдвигаемым против них коммунистической властью, хорошо выражают строки, написанные священномучеником Сергием (Гортинским) на листе допроса: «Обвинение предъявленное я не признаю, ибо это явная ложь». «За собой вины против советской власти никакой не знаю», – свидетельствовал перед следователем священномученик Сергей (Бажанов). А священномученик Сергей (Флоринский) в конце допросного листа написал: «Считаю одно: вина моя в том, что я священник, в чем и расписываюсь».

«Виновным себя не признаю» – эти слова проходят красной нитью через все протоколы допросов русских новомучеников.

Мученики не соглашались признаваться в тех преступлениях, которые им приписывали гонители, потому что такое согласие было бы формой лжесвидетельства. Такой отказ требовал большого мужества, поскольку, как правило, в процессе следствия у подсудимых пытались выбить признание побоями и пытками, так что некоторые мученики даже не доживали до приговора, умирая от травм, полученных в кабинете следователя,

как, например священномученик Василий (Канделябров).

К твердым и непреклонным заявлениям новомучеников об их невиновности советские суды и следственные органы относились без особого внимания, но для Церкви свидетельство самих мучеников о себе приобретает решающее значение, так как свидетельствует о верности новомучеников Христу, не согласившихся нарушить заповеди, покривить душой, к чему подталкивали гонители.

Относительно коммунистической эпохи могут заметить: ведь тогда репрессиям подвергалось не только духовенство. Точно так же арестовывали тех, кто при прежнем режиме занимал офицерские чины в полиции и армии, тех, кто публично критиковал марксизм, и вообще всех, кого подозревали в политической неблагонадежности. Их тоже пытали, бросали в тюрьмы, казнили, и некоторые из них проявляли при этом большое мужество и выдержку. Разве означает это, что всех их тоже нужно канонизировать?

Не означает, потому что мучеником в православном понимании становится не всякий, кто пострадал и был несправедливо убит, но только тот, кто проявил на этом пути искреннюю веру, предпочтя лучше умереть, чем повредить душе лжесвидетельством.

Святые отцы говорят, что «Бог ценит дела по намерениям их» (прп. Марк Подвижник. Слова, 1.184) и что «во всех наших делах Бог смотрит на намерение, – делаем ли мы это ради Него, или ради какой-либо иной причины» (прп. Максим Исповедник. Главы о любви, 2.36).

То есть, нравственное и духовное достоинство поступка определяется по тому намерению, с которым он совершается. Так христианская милостыня отличается от гуманистической филантропии именно тем, что творится во имя Христа и ради Христа, хотя внешне может выглядеть одинаково – люди и в том, и в другом случае дают свои деньги нуждающимся. Так христианское целомудрие отличается от полового воздержания, совершаемого в силу психологических или физиологических причин именно тем, что творится ради Христа, то есть, ради исполнения Его заповедей, – хотя формально мы видим одно и то же уклонение человека от

блуда. Так пост отличается от вегетарианства именно тем, что совершается ради Христа, в память о Нем и в подражание Его посту. Вегетарианец, воздерживаясь от животной пищи, не посвящает это воздержание Христу, не ожидает от Него награды, и, соответственно, не получает никакой духовной пользы от своего воздержания ни в этой жизни, ни в будущей, – хотя, конечно, может получить временную телесную и душевную пользу.

Так и мученичество именно посвящением Христу отличается от всякой мужественной и героической смерти: «*ибо кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее*» (Мк. 8: 35).

Была определенная логика в том, кого коммунистическая власть выбирала на роль жертв.

Бывших полицейских и армейских хватили отчасти в порядке мести, – как врагов, с которыми еще недавно было вооруженное противостояние, а отчасти ради того, чтобы обезопасить свою власть от людей, которые в силу своей подготовки, могли бы возглавить восстание.

Интеллигенцию преследовали ради того, чтобы обезопасить себя от умных критиков, которые могли бы дать идеологическое обоснование свержению коммунистической власти. Сказанное выше в той или иной степени относится и к другим категориям репрессированных, за исключением случайных жертв.

Но это не относится к духовенству. Как известно, Церковь, следуя заповеди «*повиноваться и покоряться начальству и властям*» (Тит. 3: 1), сохраняла лояльность к коммунистической власти (как и к любому другому режиму, в котором ей приходилось существовать) и своих чад призывала к повиновению, а не к мятежу. Да, имели место случаи открытой критики действий властей со стороны тех или иных священнослужителей, но не это было подлинной причиной арестов, потому что репрессии затрагивали не только тех, кто критиковал.

Можно привести пример священномученика Петра (Петрикова), свидетелевавшего на допросе: «Я всегда исполнял все касавшиеся меня законоположения, – не знаю ни одного случая нарушения мною таковых. Пользуюсь свободой верить во что мне угодно, по основному закону страны – конституции... Церковь – «не от мира сего». Мои интересы – интересы чисто духовные: получение благодати и приобретение совершенств, которыми обладает Бог, в Которого верю. Вопросами политики никогда не занимался и в политических вопросах не разбираюсь. Власти подчиняюсь по совести и готов пожертвовать для нее всем, чем только могу, если это будет нужно. Только верой в Бога не могу пожертвовать никому».

То, что таких людей хватили, сажали и расстреливали, означает, что делали это именно ради того единственного, чем они не могли пожертвовать.

В своих антирелигиозных гонениях коммунисты преследовали даже тех, кто совершенно не мог представлять для них угрозы. Например, священномученик митрополит Серафим (Чичагов), к моменту ареста был уже давно на покое, ему шел восьмидесять пятый год, он был прикован к постели, – при аресте его вынесли на носилках и в машине «скорой помощи» доставили в Таганскую тюрьму, а затем осудили и расстреляли. Также и священномученик архиепископ Алексей (Бельковский) по болезни не мог самостоятельно

передвигаться, ему было девяносто пять лет, когда за ним пришли сотрудники НКВД, и вынесли его на простыне.

Разве есть какая-либо рациональная необходимость в том, чтобы разыскивать и тащить в тюрьму давно отошедших от дел и доживающих последние дни больных стариков? Они не были правящими архиереями, нигде не выступали, ничего не издавали, не вели никакой публичной деятельности, а по причине телесной немощи даже не совершали богослужений. Какую угрозу они представляли для советской власти?

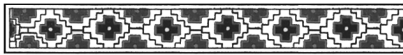
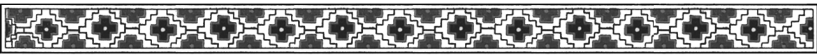
Чем могли повредить ей? Очевидно, что единственной причиной их преследования было то, что они принадлежали к числу служителей Церкви Христовой.

Коммунисты воспринимали религию как соперничающую идеологию, существование которой препятствует поголовному распространению их безбожного учения. Именно потому они с ней боролись разными способами, один из которых – репрессии и убийства наиболее видных священнослужителей, монахов и мирян. Таким образом, их преследовали именно за веру, хотя и пытались замаскировать это обвинениями политического, а то и уголовного характера.

Впрочем, сохранились свидетельства о том, что иногда гонители и не скрывали того, что преследуют именно за веру. Священноисповедник Зиновий (Мажуга) рассказывал: «В 1936 году меня арестовали и, не предъявив никакого обвинения, несколько месяцев продержали в ростовском распределителе. Однажды я спросил следователя: «В чем же состоит моя вина, какое предъявляют мне обвинение?». Следователь молча указал на мою рясю». А когда благочестивый крестьянин Дмитрий Клевцов в 1929 году попал под суд, на суде спросили, знает ли он, за что его судят. Дмитрий ответил, что, мол, кому-то не понравился. Тогда судья сказал откровенно: за веру и прежнюю зажиточность. «Откажись от веры, вступи в колхоз, и мы судить тебя не будем. Дадим работу, даже сделаем начальником небольшой коммуны, будешь руководить». На это Дмитрий ответил: «За веру судите? Я всегда готов к суду».

Звучали, конечно, и другие обвинения: священномученику Владимиру (Лозина-Лозинскому) предъявили обвинение за служение панихид с поминовением царя-страстотерпца Николая II. Мученика Иоанна (Емельянова) обвиняли в том, что он «в контрреволюционных целях прославлял могилу умершего иеромонаха Аристоклия, организовывал на нее паломничества». Священномученику Димитрию (Плышевскому) инкриминировали участие в «повстанческой шпионской организации». Преподобномученицу Ирину (Фролову) арестовали по обвинению в сопротивлении мероприятиям советской власти на селе. Мученика Иоанна (Малышева) обвинили в «систематическом ведении контрреволюционной фашистской агитации». Мученику Никифору (Зайцеву), как и многим другим, предъявили трафаретное обвинение в агитации против колхозов, как якобы «антихристова предприятия», даже не обратив внимания на то, что сам мученик являлся колхозником.

Нужно сказать, что существовала одна категория обвинений, по которой мученики свою «вину» признавали – это когда их обвиняли в несогласии с коммунистической идеологией и в критике анти-

НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ Российские

религиозных и антицерковных действий власти.

Например, мученица Ольга (Кошелева) на вопрос следователя: «О том, что советская власть безвинно арестовывает духовенство, закрывает церкви без согласия на то верующих, вы говорили?» смело ответила: «Да, я это говорила; и сейчас, видя, как безвинно арестовали меня, еще раз говорю, что советская власть безвинно арестовывает духовенство и верующих». А преподобномученику Варфоломею (Ратных) следователь зачитал показания свидетеля, который слышал от святого Варфоломея слова: «Да, все плачет, плачет мир, и будет еще плакать», и поинтересовался: «Отчего же плачет мир?». Святой отец сказал: «От скорби, приключенной ему советской властью», но не признал это контрреволюционной агитацией: «ведь это же сущая правда, говорю, что есть, что вижу».

Можно привести еще примеры из допросов новомучеников: «Врагом советской власти я не являюсь... но являюсь противником антихристианской политики советской власти, а равно и материализма, как отрицающего идею религии» (священномученик Владимир (Пищулин); «учение материалистическое не признаю в корне и считаю его своему мировоззрению враждебным. Поэтому я не согласен с действиями коммунистической партии в нашей стране, когда она навязывает свое мировоззрение другим гражданам, мыслящим по-другому» (священномученик Владимир (Сперанский)); «на все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей... нужно молиться Богу, а также жить в любви, – только тогда мы от этого избавимся» (преподобноисповедник Севастиан (Фомин).

Есть люди, которым кажется, что будто бы нельзя называть мучениками тех пострадавших христиан, которые выражали явное несогласие с коммунистической идеологией, критиковали ее, равно как и антицерковную политику коммунистической власти. Таким людям кажется, что в этом случае священнослужители пострадали не за Христа, а за свою политическую деятельность, и, якобы, потому быть святыми не могут. Мол, если бы они просто служили литургию, то никто бы не стал их арестовывать, сажать в тюрьмы, расстреливать.

Но это взгляд, чуждый Церкви. Он был бы отчасти справедливым, если бы речь шла о критике тех политических действий власти, которые не имеют отношения к религии. Но ведь новомученики говорили не об этом – они критиковали безбожную идеологию и антирелигиозные мероприятия власти. И тем самым они исполняли свой пастырский долг, точно так же, как и мученики древних времен.

Вот, например, во II веке был арестован и приведен на суд святой мученик Аполлоний. В присутствии множества свидетелей префект Терентий указывает святому на то, что согласно законам империи и указу императора нужно «принести жертву богам» и «поклониться Фортуно самодержавного Коммода». А святой на это отвечает, что «великое бесчестие падать ниц пред ничтожными тварями, и было бы низким раболепством боготворить то, что не стоит того», и что «глупцы были те, которые изобрели их и еще более неразумны те, которые боготворят и чтут их» (Апология, 16). А когда префект спросил: «разве ты не знаешь, что по определению сената совсем не полагается быть христианам?», мученик ответил: «определение сената не может отменить определения Бога. Ибо насколько люди легкомысленно ненавидят и убивают тех, которые делают добро, настолько во многих отношениях люди стоят далеко от Бога» (Апология, 24).

Это что, разве не критика распоряжений правительства? Разве не прямое неподчинение власти и ее законам? Разве не явное выступление против идеологических основ государственного строя?

А когда другой святой того же века – Аристид в своей апологии, пишет императору языческой империи о том, что язычники «допустили смешные, глупые и нечестивые утверждения, называя несуществующих богов согласно своим лукавым вождениям» – это что, разве не критика государственной идеологии?

И, опять же, когда святой Иустин Мученик в своей второй апологии пишет рим-

скому сенату, протестуя против гонения на христиан, как против того, что «безрассудно делается вашими правителями повсюду»; указывает, что «злые демоны, всегда враждующие против нас, настраивают таких правителей, как бы беснующихся, подвергать нас смерти», и называет таких правителей «беззаконными» – это разве не могло быть расценено язычниками как «враждебное отношение к власти и руководителям» и как «противодействие мероприятиям власти»?

Святые подчинялись власти, не устраивали против нее восстаний, платили налоги, исполняли предписанные законы, – но они не могли молчать о том, что насаждаемая безбожным государством идеология есть ложь, а проводимое гонение против Церкви – грех и незаконно. И это делали как древние мученики, жившие среди язычников, так и новомученики, жившие под коммунистическим игом.

Но, конечно, не стоит впадать в другую крайность и отождествлять мученичество с политическим диссидентством. Отношение к политике в целом у мучеников могло быть разным, до известной степени могло варьироваться и отношение к коммунистической власти – от резкого неприятия, до спокойного терпения. По понятным причинам не могло быть только искреннего согласия, ибо, как заметил на допросе преподобномученик Леонтий (Стасевич), «если священник попадет под влияние коммунистов, под влияние материалистических убеждений, он уже не будет священнослужителем».

Мученичество определяется не в зависимости от политических взглядов пострадавшего, а от его верности Христу. Увидеть эту верность можно глядя на то, как страдальцы проходили все этапы крестного пути, и насколько христоподобны были они в каждый из этих этапов.

Некоторые думают, что крестный путь мучеников и исповедников начинался с их ареста, но в действительности он начинался еще раньше. Быть может, так нельзя сказать про все время коммунистической власти, но, по крайней мере, это справедливо для периодов особо сильных гонений.

Уже для того, чтобы просто добросовестно служить в то время, когда и государство и значительная часть общества к тому, что ты делаешь, относились резко негативно и презрительно, когда то и дело приходят известия об арестованных священниках, осужденных, расстрелянных, – нужно немалое усилие над собой, чтобы не допустить помыслов о снятии сана или хотя бы о бегстве.

Из-за лишения прав, отнятия имущества и обложения чудовищными поборами, семьи почти всех священников жили в нищете, особенно многодетные. Чтобы доставить им хоть какое-то пропитание, многие отцы, особенно сельские, должны были жить в каторжном труде. Например, священномученик Александр (Соловьев), который вместе со своей семьей жил в страшной нужде. Не хватало средств на пропитание, и святой Александр с детьми ходил в лес собирать грибы и заготавливать ивовое корье, которое они меняли на хлеб. При этом у священника всегда был выбор, – его готовы были принять счетоводом в колхоз, если он откажется от сана, на что он сказал: «Этого я сделать не могу. Я поставлен Богом и должен служить Богу».

Дочь священномученика Александра (Парусникова) вспоминала один из обычных случаев тех лет: она идет с отцом по улице, держа его за руку, а люди, идущие навстречу, оборачиваются и плюют священнику вслед. Отец, почувствовав переживания дочери, спокойно сказал ей: «Ничего, Танюша, это все в нашу копилку». Ему же сотрудники НКВД, вызвав для беседы, говорили: «Уходи из церкви, ведь у тебя десять детей, а ты их не жалеешь». – «Я всех жалею, но я Богу служу и останусь до конца в храме».

Вскоре после первых лет революции священники в Советской России вполне осознали, в каких условиях они теперь живут, и какая угроза над ними висит ежедневно. Многие тогда жили как священномученик Иаков (Маскаев), – он заранее завел себе сумку, в которой было собрано все необходимое на случай ареста. Некоторые загодя отсылали семьи в другие места и жили отдельно, чтобы не повредить им, как поступили священномученик Николай (Лебедев)

и священномученик Иоанн (Великов).

Разве такая решимость и такие жертвы, приносимые еще до ареста, не свидетельствуют о великой преданности новомучеников Христу? Может быть, это еще не исповедничество, но, безусловно, первый шаг к нему.

Они знали, что их ожидает, многие могли убежать, а некоторым это даже настоятельно предлагали друзья и близкие. Священномученика Сергия (Кроткова) заранее предупредили о грозящем аресте, но он невозмутимо продолжал служить в храме, отвергая предложения родственников спастись бегством. «Что же, – сказал он им, – прихожане придут молиться, а я окажусь дезертиром, предавшим Бога и паству?». Так и служил до самого ареста, за которым последовал расстрел. А священномученик Феодор (Недосякин) на такие предложения отвечал: «Хоть день, да мой – и пред престолом Божиим!».

Разве не сияет в этих поступках свет христоподобного мужества и самопожертвования? Разве не видно в них сознательного выбора в пользу верности Церкви Христовой и своему служению, а в этом выборе разве не видно, что для сих страдальцев служение Христу значило больше, чем собственная жизнь? И если даже мир восхищается воинами, которые, несмотря на смертельную опасность, остаются на посту и исполняют свой долг, то как не восхититься подвигом этих воинов Христовых, и не воздать ему должное?

Если требовалось мужество даже просто для того, чтобы в те времена остаться честным и добросовестным пастырем, то насколько больше требовалось мужества для того, чтобы явно возвысить свой голос в защиту веры и Церкви?

Может быть, для современных людей это уже не так очевидно, но публично сказать или написать слово против действий власти в то время – совсем не то же самое, что сказать или написать сейчас. Особенно если это слово исходит от человека в рясе. Конечно, мученики догадывались, что безбожники не оставят это без последствий. Можно вспомнить поступок священномученика Димитрия (Овечкина), который согласился идти на публичный диспут с лектором-атеистом, хотя близкие отговаривали и предупреждали, что после этого его арестуют.

Но святой Димитрий пошел и отстаивал христианскую веру, а затем действительно был арестован и осужден.

В упомянутых примерах мы видим то, что можно видеть во всех православных мучениках всех времен – ревность о вере и отсутствие страха перед людьми. Они показывают, что для этих страдальцев любовь к правде Божией была дороже своей жизни. Это – исповедничество еще до ареста.

Следующий этап крестного пути – арест и следствие. Для неподготовленного человека даже обычное психологическое давление при допросах – немалое испытание, но в коммунистическом делопроизводстве психологическим давлением дело не ограничивалось, и в ход шли откровенные издевательства, избиения и пытки. Следователи, скрывая подлинные причины ареста, находили ложных свидетелей, фабриковали улики, но самое главное – пытались заставить подсудимых признаться в вымышленных преступлениях против государственной власти.

В определенные периоды широко практиковались пытки. Дочь священномученика Александра (Ильенкова) вспоминала, что однажды подсмотрела, как ее отца выводят после допроса: «У него был разбит весь лоб и он еле переставлял ноги».

Как потом мы узнали, пытки проводили самым изощренным способом. Били по лицу, по животу, и ниже, избивали до потери сознания». А жене священномученика Гавриила (Масленникова) († 1937) отдавали из тюрьмы окровавленные рубашки мужа, когда он был под следствием. А вот как священномученик Виктор (Киранов) описывал методы допросов в письме к жене: «Сперва отборная, пересыпанная матерщиной ругня, затем толчки, удары до грыжи, а затем бессонная стойка в течение 300 часов с перерывом в 6 часов, заставили подписать составленный начальником НКВД Еременко протокол бред сумасшедшего... я держался до 29 июня больше месяца без сна и днем и ночью».

И, несмотря на все это, они остались непреклонны. В этих страданиях они уподобились Христу, терпевшему побои и издевательства во дворе первосвященника, – после того, как Его арестовали, но до того, как привели на суд к Пилату.

По словам игумена Дамаскина (Орловского), одного из главных тружеников Синодальной комиссии по канонизации Русской Православной Церкви, при рассмотрении вопроса о причислении того или иного страдальца к лику святых, внимательно изучается его дело на предмет того, как он вел себя во время следствия. Важным и даже одним из ключевых критериев является то, сохранил ли страдалец твердость, не поддавался ли он давлению, и не признал ли возводимую на него ложь, а также, не давал ли показаний против других страдальцев.

Многих в то время арестовывала и пыталась коммунистическая власть, но мучениками и исповедниками мы считаем не всех, а только тех, кто принимал эти страдания из-за искренней веры, принадлежности Церкви, служения Богу и исповедания правды Его, и кто не испугался, не сдался, остался тверд. И таких было немало.

Есть еще один показатель внутреннего христоподобления страдальцев во время их крестного пути. Действительно, много сил нужно, чтобы не поддаваться пыткам, но для людей, выдержавших мучения, крайне сложно избежать чувства сильного гнева и даже ненависти против обидчиков. Трудно не сломиться, но еще труднее не озлобиться.

И наши новомученики, избегая этого искушения, подражали Христу, молившемуся за палачей: «Отче! прости им, ибо не знаю, что делают» (Лк. 23: 34). Многие прямо повторяли эти слова Спасителя. Так, например, женщины, подсмотревшие расстрел священномученика Николая (Любомудрова) рассказали, что он, стоя перед палачами, перекрестился и со словами: «Господи, прими дух мой. Прости им, ибо не ведают, что творят», – поднял руку и благословил их. И после этого был убит. Те же слова сказал и священномученик Макарий (Гневушев), и даже ободрил одного из своих палачей, смутившегося тем, что ему придется стрелять в духовное лицо. Эти слова Христовы повторяли перед казнью и священномученик Сергей (Шейн), и священномученик Михаил (Каргополов).

Но и не дожидаясь казни, мученики христоподобно прощали всех тех, кто их предавал, кто доносил на них, свидетельствовал против них, кто мучал их в тюрьмах. Священномученик Онуфрий (Гагалюк) писал: «Меня возили с позором под конвоем много раз по улицам. Я сидел в тюрьме среди воров, убийц и насильников... Оглядываясь на жизнь в ссылке, я вижу лишь светлые картины. Все темное, мрачное, позабыто. А между тем я перенес от людей много злого, всякого презрения, насмешки, печатную клевету, видел явное предательство со стороны близких, был ранен, испытывал нервные страдания и большие страхи. И от всего этого нет следа. Да будет воля Божия. Везде Господь с нами, лишь бы мы только не отходили от Него. Он поддерживает душу мою, направляя ее на стези правды».

А преподобноисповедник Рафаил (Шейченко) так писал из лагеря о тех, благодаря кому он там оказался: «дорогое дитя мое, прошу: и за меня, и за себя не сердись ни на кого... как не сержусь ни на кого я, и всем, всем простил в самый час скорби моей еще 11 июля, и сейчас, как и до самой смерти, буду о них молиться не яко за врагов и обидчиков своих, а яко о благодетелях спасения моего, – да помилует и спасет их Господь».

И смерть мученики встречали христоподобно – не сдавшись, без страха и озлобленности.

Священномученика Макария (Гневушева) казнили в составе группы из четырнадцати человек. Расстреливали по очереди. Владыка был последним, при этом он молился с четками в руках и благословлял каждого: «С миром отыди». Какое присутствие духа нужно сохранять, чтобы при виде ужасных убийств, осознавая, что это последние минуты твоей жизни, продолжать исполнять свой пастырский долг, напутствуя умирающих!

Продолжение следует.

Священник Георгий Максимов

ХРОНИКА СЛУЖЕНИЙ ПРАВЯЩЕГО АРХИЕРЕЯ

С 1 января по 24 января Преосвященный архиепископ Абаканский и Хакасский Ионафан совершил следующие богослужения:

2 января, в субботу пред Рождеством Христовым, в день памяти священномученика Игнатия Богоносца и праведного Иоанна Кронштадтского, — Божественную Литургию в Спасо-Преображенском кафедральном соборе в г. Абакане.

Вечером 2 января, накануне Недели 30-й по Пятидесятнице, пред Рождеством Христовым, святых отец, дня памяти святителя Петра, митрополита Киевского, Московского и всея Руси, чудотворца, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в Спасо-Преображенском соборе.

3 января, в Неделю 30-ю по Пятидесятнице, пред Рождеством Христовым, — Божественную Литургию в храме в честь Собора Московских святителей в г. Абакане.

6 января, в день Навечерия Рождества Христова (Рождественского сочельника), — последование Царских часов, изобразительные и Божественную Литургию святителя Василия Великого в соединении с Великой вечерней праздника в кафедральном соборе.

Вечером 6 января, накануне великого праздника Рождества Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, — торжественное Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в Спасо-Преображенском соборе столицы Хакасии.

В ночь с 6 на 7 января, в великий праздник Рождества Христова, — праздничную Божественную Литургию в кафедраль-

ном Спасо-Преображенском соборном храме.

Вечером 7 января, в день праздника Рождества Христова, — Великую вечерню праздника и полиелейную утреню Собора Пресвятой Богородицы в кафедральном соборе.

8 января, на второй день праздника Рождества Христова, в день празднования Собора Пресвятой Богородицы, — Божественную Литургию в Богородице-Рождественском храме в г. Черногорске.

9 января, на третий день праздника Рождества Христова, в день памяти святого апостола, первоученика и архидиакона Стефана, — Божественную Литургию в Никольском (старом) соборе республиканской столицы.

В тот же день вечером, накануне Недели 31-й по Пятидесятнице, по Рождестве Христовом, отдания праздника Рождества Христова и дня памяти праведных Иосифа Обручника, Давида царя и Иакова, брата Господня, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в кафедральном соборе.

10 января, в Неделю 31-ю по Пятидесятнице, по Рождестве Христовом, — Божественную Литургию в Христорождественском приходе села Таштып.

13 января, накануне праздника Обрезания Господня и дня памяти святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в кафедральном соборном храме.

14 января, в день праздника Обрезания Господня и святителя Василия Великого, — Божественную Литургию по чину святителя Василия Великого в Градо-Абаканском храме в честь святых равноапостольных царя Константина и царицы Елены.

Вечером 14 января, в канун дня памяти преподобного Серафима Саровского, — Всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе.

15 января, в день памяти Преподобного, — Божественную Литургию в храме Преподобного Серафима Саровского в г. Абакане.

16 января, в субботу, в день празднования памяти пророка Малахии и мученика Гордия, — Божественную Литургию в кафедральном соборе.

16 января, вечером, накануне Недели 32-й по Пятидесятнице, пред Богоявлением, дня празднования памяти 70-ти апостолов, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в Спасо-Преображенском соборном храме.

17 января, в Неделю 32-ю по Пятидесятнице, пред Богоявлением, — Божественную Литургию в кафедральном соборе.

18 января, в день Навечерия Богоявления (Крещенского сочельника), — Царские часы Крещенского сочельника и Божественную Литургию святителя Василия Великого в соединении с Великой вечерней праздника Крещения Господня и Великое освящение воды в Спасо-Преображенском кафедральном соборе.

18 января, накануне праздника Богоявления — Крещения Господня, — праздничное Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в кафедральном соборе.

19 января, в день праздника Крещения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, — Божественную Литургию в Никольском (старом) соборе столицы Хакасии и Великое освящение воды на Иордани на реке Абакан близ храма.

23 января, в день памяти Святителя Григория, епископа Нисского и Святителя Феофана Затворника, — Божественную Литургия в кафедральном соборе.

23 января, вечером, накануне Недели 33-й по Пятидесятнице, по Богоявлении, в день памяти Преподобного Феодосия Великого — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в Спасо-Преображенском соборе.

24 января, в Неделю 33-ю по Пятидесятнице — Божественную Литургия в кафедральном соборе.

Святейший Патриарх Кирилл: КАК НАУЧИТЬСЯ МОЛИТВЕ?

Сегодня много людей приходит в храмы, обращается к Богу, но не все умеют молиться. Есть обстоятельства, в которых молятся даже люди маловерующие, — когда мы попадаем в тяжкие жизненные обстоятельства. Как говорят участники войны, с молитвой в атаку даже безбожники поднимались. Когда возникает отчаяние и осознание невозможности собственными силами преодолеть трудности, то тогда человек слова молитвы обращает к Богу с легкостью. Так происходит и тогда, когда вдруг обратившись к врачу, слышит человек страшные слова неисцелимого диагноза. Вот тогда люди молятся и находят слова, и никого не надо учить молиться. Но стоит преодолеть трудности, получить исцеление, и снова пресекается связь с Богом и молитва.

Навык молитвы — это одно из самых важных аскетических деланий. Молиться нужно словами молитв, если их знаешь, а также своими простыми словами, молиться не только утром и вечером, молиться нужно многократно в течение дня, хотя бы на мгновение обращаясь к Господу. Выходя на улицу, нужно осенить себя крестным знаменем, потому что современные улицы небезопасны для человеческой жизни. Можно и злого человека встретить, и столкнуться с трудными обстоятельствами. А когда, делая первые шаги в начале дня, мы обращаемся к Богу с молитвой, то призываем Его благословение.

Существовала монашеская традиция — каждый третий час освящать молитвой. Отсюда и церковный устав часов — третьего, шестого, девятого и других богослужений. В условиях современной жизни невозможно каждые два-три часа посещать богослужения. Но регулярно просить помощи Божией, воздыхать ко Господу, благодарить Его за полученные дары, просто вспомнить о Боге — это и означает чувствовать Божие присутствие в своей жизни.

Особой школой молитвы является храмовая молитва. Сегодня мы стояли долгу

службу, много слышали псалмов и песнопений, но сознание человека устроено так, что постоянно следить за словами молитвы невозможно. Нужно воспитывать себя в том, чтобы стремиться понимать то, что произносится в храме. Но если даже мыслью мы отходим от молитвы по немощи своей, то все равно, находясь в храме, в благодатной атмосфере молитвы других людей, находимся под постоянным воздействием Божественной благодати. Вот почему молитва в храме имеет особый смысл, значение и силу, «ибо там, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20).

Из проповеди во вторник первой седмицы Великого поста, 3 марта 2009 года.

Проект Абаканской епархии получил поддержку грантового конкурса

Епархиальный отдел по благотворительности и социальному служению Абаканской епархии на протяжении многих лет проводит гуманитарные акции (кормление горячим обедом и обогрев в зимнее время, обеспечение теплой одеждой и обувью, раздача продуктовых наборов и т.п.), оказывает психологическую и юридическую помощь (помощь в восстановлении документов, в оформлении в лечебное учреждение либо в прохождении диспансеризации, устройство на проживание в

социальную гостиницу г. Черногорска или дом ветеранов г. Абакана (для пенсионеров и инвалидов), содействие в трудоустройстве трудоспособных граждан).

Епархиальным социальным отделом был разработан проект «Право жить Человеком», который получил поддержку грантового конкурса президента Российской Федерации. В рамках данного проекта планируется открытие социального центра помощи бездомным и людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

Детский концерт в Градо-Абаканском храме

7 января в Градо-Абаканском храме в честь святых равноапостольных Константина и Елены состоялся детский Рождественский концерт.

У вертепа с яслями Богомладенца учащиеся воскресной школы с родителями и прихожанами праздничными песнопениями и стихами славляли Творца. Дети и взрослые поздравляли друг друга, возносили с великой радостью на разных языках гимн Рождества и пели: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!».

Притвор храма украсила выставка «Сияние Рождества», проведение которой стало уже приходской традицией. Детские и взрослые поделки, выполненные в различных техниках, дополнили волшебную рождественскую атмосферу. Расписные пряничные угощения, изготовленные специально для выставки, раздавались прихожанам (что вызвало у гостей праздника восторг и искреннюю благодарность).

По окончании концерта настоятель храма Протоиерей Геннадий Фаст увлекательно побеседовал с ребятами о тайне, событиях и смысле рождественской ночи, и вручил всем сладкие подарки.

На дружном щедром чаепитии «православная семья» прихожан вспоминала яркие и счастливые события ушедшего года и молитвой по соглашению попросила у Бога единства, мира, сплочения и благословения на добрые дела, новые интересные поездки, походы и праздники.

Ирина Истомина

Праздник Крещения Господня в Никольском соборе

Икона Крещения Господня

Малый вход

Чтение Евангелия

Причащение прихожан

Крестный ход на Иордань на реке Абакан

Чтение молитв великого освящения

Освящение Иордани

Дух в виде «голубине»

Окропление святой водой

Славление праздника

СИБИРСКИЙ ПУТЬ ЕРМАКА

в русском летописании XVII века

Пожалуй, нет в сибирской истории фигуры, более известной миру и в то же время овеянной множеством легенд, чем Ермак. О нем и его сибирском походе с «единомысленною дружиною» уже в конце XVI—начале XVII века слагались устные предания. Почти через 40 лет после похода первый сибирский архиерей Киприан (Старорусенников) в своем стремлении увековечить память о Ермаке и его дружине создает Синодик Ермаковым казакам. Историк Алексей Конев объясняет, на чем основывалось желание владыки канонизировать Ермака как героя и почему даже местные князья считали его «человеком Божиим».

Один из первых вариантов «устной летописи» о походе Ермака дошел до нас в составе Кунгурского летописца, обнаруженного тобольским сыном боярским С.У. Ремезовым и включенного им в его «Историю Сибирскую».

Первый архиепископ Сибири Киприан (Старорусенников), прибыв в июне 1621 года к месту своего нового служения в Тобольск, обратил внимание на то, что в этом еще плохо освоенном русскими крае имя Ермака пользовалось большой популярностью.

Владыка Киприан, будучи человеком книжным и не чуждым литературных занятий, обратился к проживавшим и служившим тогда в Тобольске сподвижникам легендарного атамана с просьбой записать и представить краткие сведения об основных событиях похода на «салтана» Кучума. Так возникло казачье «Написание», на основе которого, вероятно, и был составлен Синодик Ермаковым казакам. В Синодике упоминаются основные сражения с татарами и указываются имена погибших воинов. Синодик был включен в состав чина Торжества Православия. Архиепископ Киприан заповедал каждый год в первую Неделю (воскресенье) Великого поста в соборной Софийской церкви возглашать погибшим казакам вечную память. Правило это было введено при его преемнике архиепископе Нektарии.

В 1636 году тобольский владычный дьяк Савва Есипов, опираясь на сведения Синодика и ряда других источников, составил знаменитую историческую повесть «О Сибири и о сибирском взятии», больше известную как Есиповская летопись. В ней поход трактуется как Божиим Промыслом свершившееся предприятие, смысл которого состоял в том, чтобы победой Ермака и его дружины над сибирским ханом «очистить место святыни» и привести этот край под «скипетродержательство» православных русских царей.

Известная американская исследовательница, историк-русист Валери Кивельсон, отмечает, что все летописные произведения, содержащие описания похода Ермака и дающие разные оценки его деятельности, «сходятся в одном: это завоевание играет решающую роль в божественно предопределенном нарративе». И авторы летописных произведений XVII века, и покорители новых земель «разделяли убежденность в том, что, каким бы ни был смысл присутствия России в Сибири, оно несло с собой божественное благословение».

В истории казачьей экспедиции до сих пор остается ряд вопросов, на которые летописные источники и историки дают разные ответы. Во-первых, кто такой Ермак? Одни считают его донским казаком, другие — волжским, третьи — жителем Приуралья, посадским человеком Василием Тимофеевичем Алениным, ставшим в силу жизненных обстоятельств казачьим атаманом. «И смел, и умен, и человекен, и прозорлив, и мудростью не обделен, широколиц, борода и волосы черные, волнистые, роста среднего и широк в плечах», — так описывал Ермака Ремезов.

Наиболее запутанный вопрос — дата начала похода. Синодик и основная редакция Есиповской летописи указывают на 1580-й год. Историческое повествование, составленное по заказу

станции сражался в составе корпуса князя М.П. Катырева-Ростовского на фронтах Ливонской войны в районе Могилева и Орши. В августе того же года конная станица Ермака с западного театра военных действий была переброшена в знакомое ему Поволжье для противодействия Ногайской Орде. Здесь она соединилась с ватагой «вольных» казаков, бывшей под началом Ивана Кольцо. Объединенный отряд числом в 540 человек ушел во главе с Ермаком в Приуралье, где Строгановы набирали «охочих людей» для отражения набегов пельмских вогуличей, находившихся в союзнических отношениях с ханом Кучумом. Пройдя из Волги в Каму, затем вверх по реке Чусовой, казаки свернули на речку Сылву, где столкнулись с отрядом пельмского князька

чальник Маметкул. «И все рустие люди вышли <...> на бой, и вси глаголаху, молящися: «С нами Бог, сотворитель наш! Да поможет нам, созданию своему!» <...> И начаша приступати к засеке, и бысть брань велика. <...> Царевича ж Маметкула уязвиша русские вои, тогда убо и поиман был, но свои его увезоша на он пол реки Иртыша. Царь же Кучюм учал был зело страшен от православного воинства», — описывает эти события Погодинский летописец. Так была одержана неожиданная во многом победа, и 26 октября, в день памяти великомученика Димитрия Солунского, казаки вступили в ханскую столицу — городок Кашлык (Сибирь). В кровопролитной битве у озера Абалак 5 декабря 1582 года казаки нанесли решающее поражение лучшим кучумовским

велевая жить в чистоте, и прилежно пост соблюдать, и всех добродетелей в любви к ближнему придерживаться». Затем, как сообщается в ремезовской «Истории», святой Николай провозгласил, что, если они послушаются его, не сохранив добродетели, он перестанет им помогать и они «вскоре погибнут во грехах своих». Ермак всем поведал об этом видении.

Приняв в Москве посланников от Ермака с известием о победе над Кучумом, царь Иван Грозный «тех сеунщиков пожаловал своим царским многим жалованьем, деньгами и сукны» и отправил казакам на помощь отряд под командованием воеводы князя С.Д. Болховского. Кучум же, в свою очередь, не оставлял надежды вернуться в Кашлык и затеял игру с Ермаком, пустив слух о нападении на бухарских торговцев, следовавших в оставленную им столицу. Казаки, уже потеряв немало число своих товарищей, выступили в начале августа 1584 года и, не обнаружив никакого каравана, стали с ночевкой близ устья реки Вагай, где в ночь с 5 на 6 число того же месяца были атакованы противником и разбиты. Ермак, как гласит легенда, отбиваясь от татарских воинов, был ранен. Пытаясь добраться до струга, он утонул, так как был «одеян двумя царскими пансыри».

По данным Ремезова, опиравшегося на исторические предания местных татар и сообщенные его отцом Ульяном Моисеевичем сведения, полученные во время посольства к калмыцкому тайше Аблаю, тело Ермака спустя семь дней после того боя было обнаружено в Иртыше. Весть о погибшем русском воине быстро разнеслась по окрестным селениям. Увидеть поверженного врага приходили многие татары. Мурза Кайдаул, снимая с погибшего панцири, заметил, что из тела исходила кровь. Кайдаул был изумлен и, посчитав нетленного героя человеком Божиим, положил его нагого на лабаз. «Птицы же летали вокруг, не смея прикоснуться к нему. И лежал на лабазе шесть недель до первого дня ноября, пока из отдаленных мест не пришли Кучум с мурзами и кондинские и обдоринские князья и не вонзили стрелы свои». Затем, по легенде, его похоронили на Баишевском кладбище «под украшенной сосной», но место это впоследствии было сокрыто. Причиной такого поступка, сообщает Ремезов, стали чудотворения, происходившие от тела Ермака и снятых с него вещей. Абызы, убоявшись ослабления мусульманской веры, запрещали упоминать имя легендарного атамана, но известия о чудесах распространились даже за пределами Сибирского ханства. Так, упомянутый Аблай-тайша рассказывал, что в младенчестве он был «утробой болен» и ему дали выпить воды с земли, взятой с его (Ермака) могилы: «...До сих пор пребываю в добром здравии. Когда же еду на войну с землей, взятой с этой могилы, — побеждаю; если же нет земли — почти пустой возвращаюсь, без добычи».

После гибели Ермака казаки разделились. Одни решили дожидаться помощи из Москвы. Другие под началом атамана Матвея Мещеряка попытались тогда же уйти из Сибири, но, пробиваясь

Василий Суриков «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем». 1895 г., холст, масло.

потомков солепромышленников Строгановых (тех самых, которые пригласили казаков в свою вотчину для обороны от немирных соседей) и обычно именуемое Строгановской летописью, относит начало похода к 1 сентября 1581 года. Именно эта датировка с подачи И. М. Карамзина долгое время и была общепринятой в исторической науке. В 1980-х гг. специалист по истории Московской Руси Р. Г. Скрынников, опираясь на критический анализ памятников раннего сибирского летописания и тексты грамот Ивана Грозного Максиму, Никите и Семену Строгановым, обосновал новую датировку — 1 сентября 1582 года. Реконструируя последовательность событий казачьей экспедиции, он обратил внимание на данные Погодинского летописца, который многими современными исследователями рассматривается как наиболее надежный источник фактических сведений о походе Ермака.

Согласившись с датировкой начала похода, предложенной Скрынниковым, екатеринбургский историк А.Т. Шашков уточнил и дополнил его версию «Ермакова взятия» Сибири. Предложенная им трактовка хронологии и последовательности интересующих нас событий представляется наиболее обоснованной.

Летом 1581 года Ермолай (Ермак) Тимофеевич (Токмак — такое прозвище атамана сообщает нам Погодинский летописец), до того будучи «знаменитым» на Волге, со своей

Аблегирима и разгромили его. На Сылве в укрепленном лагере они встретили зиму и весной 1582 года заключили договор со Строгановыми. За период зимовки ермаковцы собрали немало сведений о землях, находившихся за Камнем, как тогда называли Уральские горы.

В конце лета при поддержке солепромышленников планировался поход на Пельмское княжество. Но в августе, в самый канун похода, на Чусовую пошел войной «Кучумов сын Алей» вместе с Аблегиримом. Нападение на Чусовской городок было отражено, и отряды сибирцев ушли на север громить русские города Чердынь и Соль Камскую. Казаки же не стали их преследовать, чем вызвали гнев чердынского воеводы В.И. Пелепелицина, а приняли решение «збираться, как бы им дойти до Сибирской земли». Стремительный рейд по сибирским рекам Туре и Тоболу к столице Сибирского ханства оказался полной неожиданностью для Кучума, лишившегося на это время части своих боеспособных сил, которые остались с Алеем на Урале. Несколько серьезных вооруженных столкновений с татарами — у Епанчинских юрт, в урочище Бабасан и в Карачине улусе — не заставили казаков повернуть вспять.

23 октября 1582 года состоялось историческое сражение на берегу Иртыша у Чувашского мыса, где отряд Ермака вступил в бой с превосходящими силами Кучума, войском которого командовал его лучший воен-

отрядам. Хан был вынужден отойти на юг, в Барабинские степи. Ханство начало распадаться. Против Кучума — выходца из Средней Азии — выступила часть местной татарской знати. В конце декабря посланцы Ермака отправились в Москву к Ивану IV, чтобы известить царя о взятии Сибири.

Казаки провели в отдаленном краю три зимы. За это время они совершили несколько походов, сумели привлечь на свою сторону данников сибирского хана: вогульских князьков Ишбердея, Суклема и остяцкого Бояра. Весной 1583 года отряд под началом Никиты Пана спустился вниз по Иртышу. С боями прошли они Надцынское, Туртасское, Нимьянское (Демьянское), Самаровское княжества и взяли дань-яса, а выйдя к Нижней Оби, заключили мирное соглашение о союзе с «князцом» кодских остяков Алачем. Кроме того, удалось пленить и поздней осенью 1584 года отправить в Москву Маметкула.

Были и потери. Так, по коварному замыслу мурзы Карачи, отделившегося от Кучума и, вероятно, имевшего свои планы на сибирский трон, обманом был убит Иван Кольцо и 40 казаков.

В начале марта 1584 года во время Великого поста Карача пришел под стены Кашлыка и осадил город. Ермаку удалось снять осаду только в мае, разбив войско татар под Саусканом. После этого сражения ночью атаман с пятью людьми молился, и «на всенощной явился святой Николай Можайский, по-

на Лозьву и Вишеру, встретили сопротивление пельмских вогулов. Прибыли ранней осенью 1584 года отряда С. Д. Болховского приободрило ермаковцев, но в первую же зиму большая часть стрельцов и сам воевода погибли от тягот суровой и непривычной сибирской жизни. Пережив голодную зиму, с наступлением лета 1585 года оставшиеся казаки и стрельцы ушли на Русь старинным северным путем, спустившись по Иртышу до самых низовьев Оби и далее перевалив через Урал к Печоре.

Тем временем казаки под началом Грозы Иванова, доставившие ко двору царя Федора Ивановича пленного «царевича Сибирского», отправились проводниками в Сибирь в составе отряда И.А. Мансурова. Прибыв осенью 1585 года в пределы Сибирского ханства, царский воевода обнаружил, что Кашлык занят Сейид-Ахмадом (Сейдяком), племянником свергнутого Кучумом тайбугида — бека Едигера. Русские ушли на север и основали в районе слияния Оби и Иртыша Обский (Мансуров) городок. Переждав в нем зиму, весной 1586 года они отправились обратно на Русь.

Летом того же года по указу царя Федора Иоанновича в Сибирь был направлен отряд под началом воевод Василия Сукина и Ивана Мясного, чтобы на месте татарской Чимги-Туры поставить первый русский город — Тюмень. А летом 1587 года сподвижник Ермака атаман Черкас Александров вместе с письменным головой Данилой Чулковым выбирал у иртышского Алафейского крутояра место под строительство Тобольска, ставшего впоследствии главным городом русской Сибири. Так начиналась новая страница истории, прологом которой была смелая казачья экспедиция.

Существуют разные мнения о том, чем руководствовался первый сибирский архиерей в своем стремлении увековечить память о Ермаке и его дружине. Кто-то полагает, что это было вызвано желанием канонизировать его как героя, положившего свою жизнь за торжество православной веры в стране, не просвещенной евангельским учением. Другие объясняют это его пониманием значения исторических последствий похода для Русского государства, расширившего свои границы до Тихого океана. Не будем ничего отрицать полностью, но очевидно, что архиепископ Киприан прежде ощутил живую народную память о Ермаке, в которой отдавалось должное воинской доблести и самопожертвованию, масштабу свершения и стремлению русского человека к открытию новых земель как проявлению свободы духа и дерзновенной смелости.

Алексей Конев

Алексей Юрьевич Конев родился 30 октября 1966 г. В 1990 г. закончил исторический факультет Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева, а в 1994 г. — очную аспирантуру Самарского государственного университета, кандидат исторических наук (1995). В настоящий момент — ведущий научный сотрудник, заведующий сектором социальной антропологии Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук и доцент кафедры церковной истории Тобольской духовной семинарии. Специализируется на изучении процесса интеграции Сибири в состав Российского государства. Автор и соавтор более 100 научных и научно-популярных работ, в том числе монографий о коренных народах Северо-Западной Сибири.

Ровно 30 лет назад Московская духовная академия стала первым учебным заведением, объявившем о профессиональной подготовке иконописцев. За это время Иконописная школа академии выпустила несколько сотен дипломированных специалистов. Выпускники школы, в 2019 году преобразованной в иконописный факультет, трудятся в мастерских известных монастырей, возглавляют бригады по церковному убранству крупных храмов-новостроек, преподают церковное искусство в ведущих высших духовных учебных заведениях. На наши вопросы отвечает декан факультета архимандрит Лука (Головков), несущий это послушание уже 27 лет и в ноябре 2020 года переизбранный Ученым советом академии на эту должность.

ИКОНОПИСЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

— *Ваше Высокопреподобие, вернемся на три десятка лет назад. Вспомните, пожалуйста, кто и когда решил открыть в Московской духовной академии подразделение по профессиональной подготовке иконописцев. Как все начиналось?*

— С освобождением Церкви из-под советского гнета насущная потребность в иконописцах стала очевидной, и Священный Синод на осеннем заседании 1989 года решил открыть соответствующее учебное заведение. На какой базе его создавать, вопросов, насколько мне известно, не возникало: заслуженным авторитетом пользовался долгие годы существовавший при Московской духовной семинарии иконописный кружок. Патриарх Пимен (Извеков) прекрасно знал его основательницу (к тому моменту уже почившую) монахиню Иулианию (Соколову) и высоко ценил ее деятельность. Летом 1990 года состоялись первые вступительные экзамены, а 1 октября студенты приступили к занятиям. Приемную кампанию организовали и провели тогдашний инспектор Московской духовной семинарии, а ныне митрополит Тобольский и Тюменский Димитрий, известный иконописец протоиерей Николай Чернышев (ныне доцент кафедры иконописи Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета), другие преподаватели семинарии и академии. Первым заведующим Иконописной школой стал протоиерей Вадим Смирнов (ныне игумен Никон, который долгие годы был настоятелем Афонского подворья в Москве), а на должность его помощника назначили архидиакона Романа (Тамберга) (+ 1998).

Я тогда завершал обучение в Московской духовной академии, принял монашеский постриг и священный сан. Непосредственно в тех событиях я, конечно, не участвовал. Вскоре отец Роман поступил в братию Троице-Сергиевой лавры, где возглавил Патриарший архитектурно-строительный центр, а меня благословили занять его место. Отец Вадим тогда параллельно вновь стал заведовать и Регентской школой, на работе которой затем и сосредоточился, а мне в 1993 году поручили возглавить Иконописную школу.

Во время обучения первых студентов продолжала формироваться программа, отшлифовывался сам учебный процесс. Заложенная монахиней Иулианией (Соколовой) база была чрезвычайно ценна. Но в ее кружке на первом месте стояли просветительские задачи, преподавание иконописцам-любителям. Нам же необходимо было освоить профессиональную подготовку иконописцев, которой Церковь не занималась долгие десятилетия. Поэтому к ученицам матушки Иулиании Наталье Алдошиной и Екатерине Чураковой добавились участвовавшие в росписи Покровского академического храма отец Николай Чернышев, Владимир Ермилов и Ярослав Добрынин. Укрепили это ядро мы первыми выпускниками школы — Анатолием Алешиним, Александром Солдатовым, Светланой Тарасовой и Анной Зданович. Собственно, они до сих пор вместе с Натальей Алдошиной и Владимиром Ермиловым и составляют костяк преподавательского состава нашего факультета, в который сейчас я бы еще включил Елену Белобородову (преподает с 1998 г.).

К концу 1990-х годов стало ясно: четырех лет обучения для формирования полного комплекса иконописных навыков явно мало. Ни тогда, ни сейчас условия не позволяли и не позволяют нам увеличить продолжительность

обучения для всех студентов. Поэтому мы перестроили учебный процесс в двухступенчатый. Самые талантливые после основного трехлетнего обучения получают возможность задержаться у нас еще на два года. Перед студентами второй ступени ставятся качественно иные задачи. Успешно завершившие обучение на ней должны уметь проектировать иконостас, создавать ансамбль икон для храма, писать авторские иконы святых нового времени.

— *Можно ли говорить о сформировавшейся традиции иконописания в Московской духовной академии, сложившейся художественной школе ее иконописного факультета?*

— Наши студенты изучают разные стили и сами пишут по-разному. Но в большей степени,

в том числе и в силу географического фактора, мы тяготеем к Московской школе эпохи ее расцвета, пришедшейся на XV-XVI столетия. В этом мы стараемся следовать вкусам и предпочтениям монахини Иулиании (Соколовой). В деятельности иконописного кружка она старалась не сужать рамки творческого интереса воспитанников, которые работали в различных традициях иконописания. Но ей самой ближе были иконы XV-XVI веков. Деятельность матушки Иулиании, ее учеников и последователей оказалась чрезвычайно важной для формирования восприятия, хорошего вкуса в отношении икон для большей части нынешнего духовенства. Ведь семинария в те годы была относительно небольшой, и в той или иной степени с деятельностью иконописного кружка знакомился примерно каждый третий студент.

В учебном процессе пристальное внимание мы уделяем работе студентов в музейных собраниях, их знакомству с подлинниками древности. Ведь иначе нельзя постичь красоту работы автора с цветом и фактурой, переданное им при помощи цветового строя восприятие произведения целиком. Современное иконописание нередко страдает иллюстративностью: видно, что человек работал с иллюстрацией и репродукцией, а не с подлинниками, в результате чего его произведениям не хватает интересности в цвете и фактуре, а в целом — глубины. Все это приводит к упрощению и примитивизму иконы. Мы же хотим, чтобы икона не только была выполнена с соблюдением канонов, но и была особенной. И сегодня специалисты различают, какая икона принадлежит кисти нашего выпускника, притом уже заметны и подражания.

— *В каких музейных собраниях работают ваши студенты, где чаще всего проходят копийную практику?*

— Таких мест множество: это и местные собрания — Церковно-археологический кабинет (музей Московской духовной академии) и Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник. В Москве это Государственная Третьяковская галерея, Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Музей Храма Христа Спасителя, Музей русской иконы. Прекрасные отношения у нас сложились с корпусом государственных музеев-заповедников в регионах: Переславле-Залесском, Ростове Великом, Ярославле, Вологде, Петрозаводске, Новгороде. наших студентов за практической работой можно увидеть в Государственном музеем объединении «Художественная культура Русского Севера» в Архангельске, Кирилло-Белозерском государственном музее-заповеднике, собраниях Углича, Рязани и Смоленска. Украинские студенты работали и в киевских музеях.

ОТ ОСНОВ СТЕНОПИСИ ДО РЕСТАВРАЦИИ ТКАНЕЙ

— *Иконописная школа стала факультетом Московской духовной академии, а возглавляющий ее доцент именуется деканом. Можно ли отметить еще какие-то признаки эволюции вашего подразделения — ведь считается, что за 30 лет сменяется человеческое поколение?*

— За это время наши преподаватели создали огромное количество учебно-методического материала. Наработан бесценный опыт — как чисто педагогический, так и связанный с преподаванием специальных изо-

бразительных дисциплин. В сетке расписания появились курсы основ стенописи и реставрации икон — их раньше не было. В рамках факультета успешно действует отделение (правда, небольшое) лицевого шитья: студенты изучают в том числе реставрацию тканей. Обновляются и преподавательские кадры: четыре года назад пришла талантливый педагог Людмила Гадалова. Ну а об особенностях перехода на двухступенчатое образование мы уже говорили.

— *Чем различаются дипломы, выдаваемые иконописцам после трех- и пятилетнего обучения?*

— Сами корочки не различаются, но во втором варианте указываются более длительный срок обучения и дополнительные практики. Впрочем, вообще обучение иконописанию в ду-

ховных школах сейчас продолжает развиваться в условиях переходного периода всей церковной образовательной системы. Статус трехгодичного обучения иконописанию пока не определен — присутствует, скорее, видение того, что в перспективе его закрепят в рамках среднего специального образования. Отучившиеся пять лет выпускники, вероятно, будут получать диплом о высшем образовании. Но к разработке общецерковного стандарта для бакалавров иконописания пока только приступают.

— *Иконописцев выпускают сегодня несколько духовных школ. Можете назвать самые авторитетные из них, конкурирующие с вами по уровню обучения и качеству образования?*

— Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Санкт-Петербургская духовная академия, Курская и Тобольская семинарии. В остальных успеха скромнее. Конечно, стать хорошим иконописцем можно и избрав другой путь — например, окончить светское высшее учебное заведение или работать в профессиональных бригадах и постигать премудрость иконописания на практике. Так, наши выпускники, работая в бригадах по росписи храмов, часто пересекаются с теми, кто окончил Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова, Московскую государственную художественно-промышленную академию имени С.Г. Строганова, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры. Они хорошо вписываются в бригады.

Из небольших школ неплохое образование дает Иконописная школа Алипия Печерского в подмосковной Дубне. Еще бы я отметил московскую школу-студию Успенского храма в Матвеевском — по крайней мере, ее выпускники традиционно успешно выдерживают вступительные испытания на наш факультет.

— *Среди выпускников отделения наверьняка есть мастера с собственным творческим почерком. Можете назвать хотя бы некоторых?*

— Выпускников, которыми мы гордимся, много. Есть среди них и крайне востребованные руководители иконописных бригад: Александр Деркачев, Самсон Мазоев, Андрей Костяев, Наталья Пирогова (Масюкова), Елена Антонова. Сейчас многие наши выпускники трудятся над мозаичным убранством в верхнем храме нового Благовещенского собора в Серафимо-Дивеевском монастыре. Мы не учим мозаике, но общий образовательный уровень применительно к византийскому и древнерусскому искусству позволяет молодым специалистам с нашим дипломом работать даже на таких сложных церковных объектах.

— *В какой степени вы сотрудничаете с Иконописной мастерской Троице-Сергиевой лавры?*

— Там работают шестеро монахов, все они наши выпускники. Предметные дисциплины они у нас не ведут, но иногда участвуют в мастер-классах или консультируют студентов-старшекурсников.

ИКОНОПИСАНИЮ НУЖНЫ ЮНОШИ

— *Архитектурный ансамбль крепостных стен Троице-Сергиевой лавры, помещения которых занимает в том числе ваш факультет, в минувшем десятилетии активно*

Продолжение на 8-й стр.

У НАШИХ ВЫПУСКНИКОВ
НЕ СПРАШИВАЮТ ДИПЛОМ —
ИХ РАБОТЫ ГОВОРЯТ САМИ ЗА СЕБЯ

Продолжение.
Начало на 7-й стр.

реставрировали. Как вы пережили этот процесс?

— С пониманием. Самые большие неприятности нам доставили работы на кровле: крыша протекла, и пришлось в буквальном смысле спасать и учебные места, и сами иконы — студенческие работы. Не было бы счастья, да несчастье помогло: после этого «потопа» благодаря спонсорам во всех аудиториях поменяли окна и потолки, сделали современное освещение, закупили удобную мебель. Студенты в ремонтных работах тоже участвовали. Так, семь лет назад капитальный ремонт проводился в мастерских северной стены, и в течение двух месяцев можно было заниматься только в половине помещений. Сейчас в восточной стене у нас располагается библиотека с изофондом, классы теории и учебные мастерские мужских групп (практические занятия, в отличие от теоретических, по традиции нашей Иконописной школы проходят раздельно для девушек и юношей). Северную стену занимают женские мастерские и отделение лицевого шитья. Аудитории светлые и просторные, и единственное, пожалуй, их неудобство — расположение по сквозной анфиладе.

— Почти весь осенний семестр, как и весенний, академия закрыта на карантин. Сильно ли это влияет на учебный процесс?

— Первоначально предполагалось, что студенты обоих творческих факультетов вместе с первокурсниками бакалавриата смогут заниматься очно. На «удаленку» их пришлось отправить после того, как в академии значительная часть тестов на коронавирус оказалась положительной. Несмотря на то что на нашем факультете число таких тестов было минимальным, мы, как и вся академия, перешли на дистанционное обучение. Теорию наши студенты изучают на лекциях в Zoom, практические занятия проходят в режиме дистанционных индивидуальных консультаций с преподавателями.

Единственное исключение сделали для дипломников 5-го курса. Если сейчас не оставить их в академии, к концу весны они не смогут доделать дипломные работы и повторят ситуацию предшественников. Ведь в минувшем учебном году впервые наши выпускники не защищали дипломы: разбегавшись в марте домой на карантин, они, естественно, не смогли забрать большие иконы с собой и оставили их в мастерских. Более того, эта ситуация повлияла и на приемную кампанию: помещения академии оказались заняты вещами студентов и были не готовы к потоку абитуриентов. Поэтому общаться экзаменационной комиссии с поступающими, насколько это возможно, пришлось удаленно. Именно в таком формате прошло и собеседование. Но совсем без очного общения обойтись мы не смогли (правда, уместили его в один день): провели обсуждение художественных работ с комментариями авторов и приняли